

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ

ФОРМАНТЫ МЫСЛИ

Литература и философский дискурс

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К 70

*Издание осуществлено при поддержке
Программы стратегического развития РГГУ*

Редакционный совет серии:

М. М. Гиришман (Донецкий ун-т, Украина), **М. Н. Дарвин** (РГГУ, Москва),
И. В. Силантьев (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск),
Ю. Л. Троицкий (РГГУ, Москва), **В. И. Тюпа** (РГГУ, Москва),
Ю. В. Шатин (Новосибирский гос. ун-т), **В. Шмид** (Гамбургский ун-т)

Научные рецензенты:
д-р филол. наук, проф. **В. И. Тюпа**
д-р филос. наук, проф. **А. Н. Круглов**

Корчинский А. В.

К 70 Форманты мысли: Литература и философский дискурс. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 288 с. — (Коммуникативные стратегии культуры).

ISBN 978-5-94457-223-3

В книге рассматривается вопрос о специфике философского дискурса с точки зрения его взаимоотношений с литературой в интеллектуальной культуре XIX—XX вв. Анализируется ряд конкретных случаев из истории русской и европейской словесности, когда художественное слово становится инструментом философского познания и, наоборот, литература использует дискурсивные элементы философии для решения эстетических задач. Как показывает автор, «пограничные» процессы между двумя дискурсами оказываются значительно сложнее и разнообразнее, чем обычно представляется при анализе отдельных фактов литературно-философской мимикрии.

Герои исследования — Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, А. Кожев, Л. С. Липавский, Я. С. Друскин, А. И. Введенский, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Б. Л. Пастернак, И. А. Бродский и другие.

Для филологов, философов и всех интересующихся историей культуры.

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)

*В оформлении переплета использовано картина
Рембрандта Харменса ван Рейна «Размышляющий философ» (1632)*

ISBN 978-5-94457-223-3

© А. В. Корчинский, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Литература и философия на дискурсной карте культуры

1. Вместо введения: философский дискурс и литература	13
2. Философское высказывание и философское произведение	35
3. Событие мысли как коммуникативное событие	53
4. Ранний А. Кожев: опыт диалектической поэтики	66

Литература как философия и философия как литература

5. От иллюстрирования идей к «конкретной» философии: Ж.-П. Сартр и А. Камю	77
6. Философия вне философии: «исследования» Л. С. Липавского	97
7. Апофатическая эстетика Я. С. Друскина	114
8. Медиасофия «чинарей»: на пути к «поэтической критике разума»	123
9. Русский нигилизм и кризис художественной репрезентации	146

Философия литературы и философия в литературе

10. Размышление и рассказ: философы читают Ф. М. Достоевского	165
11. «Доктор Живаго»: философия на дискурсной территории романа	177
12. Философия поэтической формы и концепция времени у И. А. Бродского	190

13. К «поэтической гносеологии»: А. И. Введенский и И. А. Бродский	225
14. Фигуры речи и фигуры мысли в поэзии И. А. Бродского	241
15. Кто изобрел «нигилизм»? Семантика понятия в литературе и философии	251
Библиография	265
Материалы книги, опубликованные ранее	280
Именной указатель	282

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главы этой книги не являются главами в строгом смысле этого слова, как это бывает, когда автор шаг за шагом, стараясь ничего не упустить, изучает интересующий его предмет. Скорее это некоторая серия опытов, и между ними, и в них самих много пустот. В то же время эти опыты связывает между собой единый мотив — попытка понять, в чем заключается специфика философского высказывания.

Наиболее загадочной при этом мне представляется граница между философией и литературой. Разумеется, философы могут писать тексты разной дискурсной принадлежности — публицистические, литературно-критические, эссе различной стилевой и жанровой природы. И наоборот, критики, журналисты, поэты могут высказываться по философским вопросам. В отдельных случаях бывает весьма нелегко квалифицировать, к какому именно «речевому жанру» можно отнести тот или иной текст. Существуют и так называемые переходные случаи между философией и публицистикой, различными формами рецепции художественных произведений и собственно поэзией и философией. Но существование «пограничных» явлений лишь подтверждает наличие границы и — главное — тех принципов, которые лежат в основе разграничения разных дискурсных территорий.

По большому счету, «граница» это всего лишь визуальный образ, который вовсе не так адекватно, как хотелось бы, отражает существо дела. В реальных дискурсивных практиках мы сталкиваемся с великим множеством словесных воплощений философской мысли, чье культурное «гражданство» не всегда очевидно. Такие воплощения далее будут именоваться *«формантами мысли»*.

В лингвистике форманты — это словоизменительные или словообразовательные элементы, присоединяющиеся к основе слова и либо сообщающие ему определенные грамматические значения, либо об-

разующие от него новые лексические единицы. Я использую этот термин в метафорическом смысле. С одной стороны, таким образом я хочу показать, что мысль, даже если она существует «в чистом виде» в голове мыслителя, чтобы появиться в культурном пространстве, должна материализоваться, обрести форму. С другой стороны, термин «форманты» также схватывает важную особенность: мысль вариативна. Но при этом всегда существует проблема: если мы, например, станем рассматривать две содержательно близкие мыслительные конструкции, принципиально по-разному запечатленные в слове, должны ли мы будем в этом случае признать, что перед нами одна и та же мысль или же две самостоятельных мысли? Эта проблема сравнима с проблемой границы слова в лингвистике: одни форманты, как было сказано, меняют слово так, что возникшие единицы остаются его формами, а другие образуют совсем другое слово. То же и с бытованием философской мысли в разных областях словесной культуры. Если мысль можно воплотить в форме академического трактата и в форме лирического стихотворения, будет ли это одна и та же мысль? Как я постараюсь показать, ответы на этот вопрос могут быть довольно неожиданными.

Надо заметить, что множественное число «формантов» в названии — принципиально. Ведь помимо философской, существует мысль научная, политическая, моральная, художественная и т. д. Но я не буду говорить о мышлении вообще, меня интересует здесь мысль, релевантная в рамках философского знания. Но даже в этом узком секторе интеллектуальной культуры оказывается, что все не так просто и существует масса различных воплощений мысли. И, имея дело с формами, всякий раз нам приходится решать, по какому именно ведомству проходит та или иная мысль. Нахождение четких критериев, характеризующих специфическую конфигурацию, которая соединяет в себе философскую мысль и воплощающее ее слово и которая далее будет именоваться философским дискурсом, составляет основную цель предлагаемых опытов. Мне вряд ли удастся в полной мере достигнуть ее в работе, предлагаемой вниманию уважаемого читателя, однако кое-какие шаги в этом направлении я постараюсь сделать.

Но прежде чем приступить к этому предпрятию, я хотел бы поблагодарить моего друга Юрия Троицкого за неоценимую моральную поддержку, позволившую мне взяться за подготовку книги. Некоторые части работы, позднее ставшие главами, ранее публиковались мною в виде статей, но значительная доля текста написана специ-

ально для этого издания. В разное время полезные мысли по поводу обсуждающихся здесь вопросов высказали мои замечательные коллеги Игорь П. Смирнов, Валерий Тюпа, Оге А. Ханзен-Леве, Илья Кузнецов, Юрий Шатин, Сергей Фокин, Татьяна Артемьева, Райнер Грюбель, Наталия Азарова, Аркадий Перлов, Юрий Филиппов. Большое спасибо! И разумеется, совершенно невозможно умолчать о материальной стороне дела: работа выполнена в рамках одного из научно-исследовательских проектов Программы стратегического развития РГГУ, дирекции которой я выражаю искреннюю признательность.

Литература и философия
на дискурсной карте
культуры

1. Вместо введения: философский дискурс и литература

В XX в. философия проявила беспрецедентный интерес к языку вообще и к своим собственным языковым воплощениям в частности. Можно выделить по меньшей мере три исследовательские программы, ориентированные на изучение словесной стороны философского мышления.

Первая из них — логический анализ языка, предпринятый в рамках аналитической философии Г. Фреге, Б. Расселом, Л. Витгенштейном и др. Характерной особенностью данной программы было то, что аналитиков интересовала исключительно референтная сторона отдельных языковых выражений, продуцируемых философами. Вопросы же, связанные с особенностями текстуальной организации, условиями производства и восприятия философских высказываний, характеристиками «внутреннего мира» философского произведения, фактически оставались за кадром. Прежде всего, их заботила своего рода «гигиена» мысли — выработка правил, согласно которым могут производиться адекватные высказывания о мире. Впоследствии намеченная аналитиками перспектива обогатилась исследованием коммуникативной природы философского высказывания у Дж. Серля, применившего в рамках этой темы теорию речевых актов Дж. Остина, и концепцией философии как особого «жанра» Ю. Хабермаса.

Вторая исследовательская линия связана с феноменологической и герменевтической традициями и в первую очередь ассоциируется с именем М. Хайдеггера, а также — по-разному развивающимися его подходы Г.-Г. Гадамера и Ж. Деррида. Эта традиция, делающая особый акцент на словесной ткани философского произведения, основывается на глубинной аналогии и даже сущностном сродстве между философией и поэзией, если и не настаивая на их текстуальном сближении, то, по крайней мере, показывая возможности для их корреляции и взаимодействия. Думается, именно благодаря авторитету этой программы с повестки дня современной мысли не сходит философия

художественного произведения, предписывающего те или иные стратегии самой философии. Достаточно упомянуть таких известных авторов, как Ф. Лаку-Лабарт, Ж. Рансьер, Дж. Агамбен. К этой же тенденции я осмелюсь отнести Ж. Делеза и А. Бадью, которые, адресуясь к разным мыслительным традициям и временами оппонируя хайдеггеровской линии, полагают, что «равнение» на художественные языки является императивом для современной философии.

Третья программа, имеющая большое значение для нижеследующего анализа, это религиозно-ориентированная русская философия конца XIX—XX в. (В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев) и особенно приверженцы имяславия П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, С. Н. Булгаков. Одной из насущных задач философствования этого рода становится поиск не только языка, но и новых мифопоэтических средств для философского постижения сверхрациональных сущностей, наиболее адекватно схватываемых посредством религиозной веры. Не удивительно, что большинство мыслителей, которых можно отнести к данной традиции, уделяли большое внимание художественной литературе, располагающей, по их мнению, необходимыми познавательными ресурсами для подобной работы, одобряли и даже практиковали сближение философского и художественного текста (В. В. Розанов, П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин; к этому же типу философской дискурсивности принадлежат произведения Я. С. Друскина, выполненные в рамках иной системы философско-эстетических координат, но также связанные с религиозным поиском).

По поводу всех трех программ при всех очевидных различиях между ними можно заметить следующее: каждая из них стремится не столько *описывать* и объяснять природу философского слова как предмет исследования, сколько *предписывать*, каким этому слову следует быть для достижения тех или иных эвристических результатов. По сути, мы имеем дело с современными *нормативными* поэтиками философского дискурса. Как и в ходе литературного процесса, само размышление над языком начинается тогда, когда его собираются изменить. Кроме того, для нашего дальнейшего изложения важно то, что каждая из этих тенденций связана с тяготением философии к иным сферам производства знания, расположенным за ее собственными пределами, — наукам о природе, поэзии и религии¹.

¹ При желании можно также заметить и другие дискурсивные тяготения философии XX века, например интерес к политическому. А вслед за Аленом Бадью,

Собственно же исследования феномена философской речи, философского текста и — шире — философского дискурса начались значительно позднее, а систематическими они становятся, пожалуй, только в наши дни. Сегодня они ведутся как на территории самой философии (из наиболее известных подходов я бы отметил «теорию аргументации» Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Титеки², а в России — работы В. В. Бибихина и Н. С. Автономовой³), так и в филологических дисциплинах⁴.

Естественно, что такие исследования часто включают в себя сравнительный анализ высказываний, считающихся философскими, с иными, близкими, типами речи — научной или художественной. В особенности интерес исследователей прикован к взаимодействию художественного и философского дискурсов. Этот интерес закономерен в свете тех культурных процессов XIX—XX вв., которые одни авторы квалифицируют как дискурсное сближение или даже «конвергенцию» философии и литературы, а другие расценивают как взаимодействие самостоятельных и устойчивых структур в системе дискурсов данной эпохи. Существует также точка зрения, что в XIX—XX вв.

называющим такие вторжения философии на территорию других типов мысли «швами», можно указать и на стилистическую интерференцию с «дискурсом любви» — психоанализом (см.: *Бадью А.* Манифест философии. СПб.: Machina, 2003). Однако выявление таких «швов» может завести нас довольно далеко, тем более в названных выше трех случаях имеет место обширный метатекст об искомой научной, художественной или религиозной подоплеке философского высказывания, а в случае политики и т. п. такого метатекста, пожалуй, пока еще нет, хотя в отдельных случаях можно наблюдать его элементы.

² *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969.

³ *Бибихин В. В.* Язык философии. СПб.: Наука, 2007; *Автономова Н. С.* Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999. № 11. С. 13—28; *Автономова Н. С.* Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: РОССПЭН, 2008; *Она же.* Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. С. 351—441; *Она же.* Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.

⁴ См., например: *Бальбуров Э. А.* Литература и философия. Две грани русского логоса. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2006; *Он же.* Русская философская проза. Вопросы поэтики. М.: Языки славянской культуры, 2010; *Азарова Н. М.* Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.: Логос; Гнозис, 2010; *Она же.* Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. М.: Логос; Гнозис, 2010.